

ПОХВАЛЬНАЯ ОДА И ВЫСОКАЯ ИНВЕКТИВА: РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА

В статье сопоставляются два жанра, имеющие общие риторические корни, – похвальная ода и высокая инвектива. В центре – сравнительный анализ «Оды... на взятие Хотина» М. Ломоносова и инвективы И. Никитина «Война за веру» в аспектах ряда жанрообразующих признаков: целевая установка жанра, риторические приемы, картина мира. Показывается сходство и принципиальное различие двух жанров.

Ключевые слова: жанр, ода, инвектива, риторические приемы, целевая установка, картина мира.

Замечания о связи оды и инвективы уже делались рядом ученых на основании текстов, обладающих некоторыми существенными признаками обоих жанров [см.: 1; 2; 3; 4; 5 и др.]. Причинами рассмотрения жанров как генетически близких являются наличие гневных, обличительных обращений в одах [2; 5], а также «одические интонации» в инвективе [3; 4]. На наш взгляд, оба жанра имеют ряд других, существенных с точки зрения жанровой принадлежности, общих черт, однако и ряд не менее существенных различий, обусловленных прежде всего жанровой спецификой. В рамках настоящей статьи мы постараемся показать это, сопоставляя текст похвальной оды и высокой инвективы. Для удобства сопоставительного анализа выберем типичные, на наш взгляд, образцы обоих жанров: «Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» М. Ломоносова [6, с. 61–69] и «Война за веру» (1853) И. Никитина [7, с. 108–109].

Ода – один из древнейших нормативных жанров мировой литературы – является жанром хорошо изученным. Классические труды Г. Гукковского [8], Ю. Тынянова [9], Л. Пумпянского [1] и др. дополнялись позднейшими исследованиями Н. Алексеевой [10], О. Гончаровой [11], С. Страшнова [12], Е. Погосян [13], Н. Кожевниковой [14] и др. Особое внимание уделялось особенностям звуковой, синтаксической структуры и особенностям рифмы [9; 15 и др.], топике [10; 11; 13 и др.] и эмоциональной доминанте оды [8; 12 и др.]. В свою очередь инвектива – периферийный и ненормативный жанр европейской литературы – стал предметом специальных исследований лишь в самые последние годы. В ка-

честве его жанровых признаков следует указать: гневный пафос, обличение от первого лица или от лица всего человечества, наличие персонифицированного адресата, субъектно-объектные отношения «я-ты/вы» (признаки константные) а также настоящее время (нередко с переходом в будущее), наличие угрозы (признаки доминантные) [3; 4 и др.]. В качестве признаков, характеризующих *высокую* инвективу (термин С. Матяш), следует указать «обличение с высоких идейно-нравственных позиций», «высокую» лексику, «эмоциональный синтаксис», стремление к максимально обобщенной характеристике обличаемого лица или явления и принципиальное отсутствие бытовых деталей [4, с. 26–27].

Автор настоящей статьи вводит в круг существенных признаков жанра также понятия целевой установки, семантической структуры и выстраиваемой жанром картины мира (см. об этом: [16; 17; 18]). При сопоставлении инвективы и оды именно эти признаки будут иметь большое значение.

Общим признаком оды и инвективы является прежде всего **целевая установка** обоих жанров. Этот термин мы употребляем не в тыняновском смысле (соотношение с внелитературным рядом), но бахтинском – как телеологическая составляющая жанра как целостного высказывания¹. Целевая установка жанра инвективы была рассмотрена нами ранее и в общем виде определена как стремление оказать определенное воздействие на адресата (см. [16]). Этот тип целевой установки прочно связывает инвективу с «риторическим принципом», который «постоянно толкает литературу к интонациям су-

¹ По мысли Бахтина, «в каждом высказывании – от однословной бытовой реплики до больших, сложных произведений науки или литературы – мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой *замысел*, или *речевую волю* говорящего, определяющую целое высказывания, его объем и границы» [19, с. 270].

договорения» [20, с. 19]. Те же риторические корни, определяющие жанр не иначе как «ораторский», ученые усматривают в оде. Специфика оды как ораторского жанра была подробно рассмотрена в классической работе Ю. Тынянова «Ода как ораторский жанр» [9] и единодушно принята другими исследователями (по определению Б. Томашевского, торжественная ода есть «лирическое стихотворение на значительную тему <...> имитирующее ораторскую речь» [21, с. 241]). Поскольку риторика – искусство ораторской речи – есть прежде всего искусство убеждать², то целевой установкой оды также является убеждение адресата, т.е. оказание на него такого воздействия, которое заставит его принять желаемую точку зрения.

Ставя перед собой сходные задачи – убеждение адресата, – ода и инвектива пользуются для решения этих задач сходными **методами и приемами**.

Прежде всего это воспринятые из древнейших фольклорных жанров (и в них воспринимаемые как «магические») и абсорбированные риторикой приемы всякого рода повторов. Уже античными ораторами были отмечены и систематизированы их виды (звуковые, лексические, семантические повторы – анафоры, эпифоры, и др. – см.: [24]), была хорошо известна их действенность (см. литературу об этом в: [18]). В выбранных для сопоставления произведениях это, например, **анафоры** (ср. в оде:

Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярьсь, грызет...

и в инвективе:

С тобой и за тебя молитвы христиан!
С тобой и за тебя святая мать-дева! и др.),

а также «**перечисления**», относившиеся риториками в «фигурам подкрепления» [24, с. 574], ср. в оде:

Дамаск, Каир, Аллеп сгорит...
<...>
Козацких поль заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян...

в инвективе:

Мы вновь напомним вам героев Рымника,
И ужас чесменский, и славный бой Кагула...

и т.д.

Оба жанра также широко пользуются «аффективными», т.е. уточняющими отношение к предмету, фигурами риторики [24, с. 571], в том числе **риторическими обращениями**, ср. в оде:

О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны!

и в инвективе:

Вперед, святая Русь!

риторическими вопросами, ср. в оде:

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?

и в инвективе:

Иль духа русского досель вы не узнали?
Иль неизвестно вам, как Севера сыны
За оскорбление родной своей страны
По слову царскому миллионами вставляли?

восклицаниями, ср. в оде:

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, русская победа!

и в инвективе:

Вам хочется борьбы! Но страшен будет спор
За древние права, за честь Руси державной;
Мы вашей кровию скрепим наш договор –
Свободу христиан и веры православной!

Также широко используются фигуры «урашения», например **перифразы**, сравни в оде: «Страны полночной Героиня» (об Анне), «То

² Ср.: «определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [22, с. 89], «красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению...» (Ломоносов, цит. по: [9, с. 228]), ср. также современный учебник риторики: «...основная задача риторики, в отличие от задачи логики, состоит не в доказательстве того или иного положения, а в изменении мнений адресата» [23, с. 100].

род отверженной рабы» (о россах) и др.; в инвективе «сыны Востока», «Севера сыны» (о русских), «храм истинного Бога» и др.;

инверсия, ср. в оде:

Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец

и в инвективе:

Языческих времен воскрес театр кровавый,

архаизмы, ср. в оде:

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?

и в инвективе:

<...> Тебя зовет на брань
Народа твоего поруганная вера!

и др.

Сходство жанров обнаруживается и в том, что как инвектива, так и ода строятся по определенной, продиктованной логикой **риторической схеме**.

Ода Ломоносова строится как последовательно развертываемая картина битвы «россов» с татарами и турками, которая заканчивается полной победой россов и наступлением мира, покоя («тишины») и благополучия в России. Этот лирический сюжет начинается с мотива «восторга» и заканчивается прославлением императрицы Анны Иоанновны, дополняется в нескольких местах побочными мотивами (появлением с неба «героев» и рассуждением о распространении России на юг в продолжение их славных дел на севере и востоке, рассуждением об освобожденных от турецкого ига народах и др.), но в целом следует единой, последовательной мысли. По наблюдениям О. Лебедевой, ода как жанр «<...> обусловлена законами формальной логики, облегчающей восприятие одического текста на слух: формулировка тезиса, доказательство в системе последовательно сменяющихся аргументов, вывод, повторяющий начальную формулировку» [25, с. 80].

В инвективе логическое построение находит свое отражение в трехчастной семантической структуре, состоящей из обвинения, доказательства и угрозы. Обвинение реализуется в тексте

посредством номинации, причисляющей адресата к категории лиц недостойных, отчужденных от норм социального идеала, принятых в данной этнокультурной среде. В инвективе «Война за веру» это выражено номинацией «враги поклонников креста», «враги Руси миролюбивой». Доказательством является перечисление недостойных, преступных действий адресата: в данном случае это «извлечение меча в войне несправедливой», превращение самих себя в «жалких палачей», забвение «народных прав» для «бесславия жестокого тиранства», то, что

<...> мятежников, бесчестия сынов,
Орудие крамол, тревог и возмущенья,
Не заклеямили вы печатью презренья,
Но дали их толпам гостеприимный кров?

и т.д.

Брошенное в лицо обвинение, доказанное посредством приведенных выше и других аргументов, заканчивается в инвективе угрозой-выводом: «Мы вашей кровию скрепим наш договор», «И грозной силою холодного штыка / Смирим фанатиков надменного Стамбула!». Таким образом, семантическая структура выстраивается по риторической силлогической схеме «тезис - доказательство - вывод»³.

Принципиальное **различие** жанров кроется в том, **какое** воздействие стремится оказать, в чем стремится убедить своего адресата данный жанр.

Инвектива, эмоциональной доминантой которой является обличение, стремится убедить прямого адресата в преступности его деяний и вызвать у него чувства вины и страха перед неминуемым наказанием. В случае инвективы И. Никитина адресат не может ознакомиться с текстом произведения, поэтому целевая установка здесь оказывается мнимой, однако тем большее значение приобретает воздействие на косвенного адресата – читателя. На этом уровне целевая установка инвективы заключается в убеждении читателя в правоте субъекта (и соответственно – в виновности прямого адресата), возбуждении в нем эмоций гнева по отношению к объекту инвективы, а также побуждении его к определенному действию. В данном случае действием читателя может быть

³ Последовательность этих частей может быть различна, что отнюдь не противоречит законам риторики. Например, современный учебник риторики советует: «возможно, какую-то из этих частей мы опустим, возможно, что-то поменяем местами. <...> Почему бы не перемежать доказательство с повествованием? Почему бы не вводить элементы воззвания в доказательство? Почему бы не сочетать в одном фрагменте обращение и именование темы?» [23, с. 165].

любого рода поддержка военных действий России – от эмоциональной до материальной.

Субъект оды также нередко обращается к тому или иному адресату с прямой речью, т.е. в оде присутствует прямой адресат или даже несколько прямых адресатов: в «Оде... на взятие Хотина» это Турок (собирательное), россы, Стамбул, Калчак, Порга, Пиндар, Россия, Анна. Однако, поскольку прямой адресат оды не столько реальное лицо, сколько идеальный, абстрактный образ (ср. [15, с. 175, 180–181 и др.]), целевая установка оды на этом уровне мнимая. Тем важнее то воздействие, которое ода стремится оказать на косвенного адресата – слушателя или читателя. Этой задачей является не просто «восхваление» [2, с. 38 и др.], поскольку такая формулировка противоречила бы представлениям о риторической природе оды как жанра. Важное место как в ораторской речи, так и в оде занимает «возбуждение страстей», которое и призвано «преклонить мнение слушателей» [9], поэтому целевую установку оды следует, на наш взгляд, определить как убеждение слушателей / читателей в величии и непогрешимости государства и – шире – правильности всего мироустройства.

Различие целевых установок непосредственно связано со следующим аспектом рассмотрения жанра – с **картиной мира данного жанра**. Значимость этого аспекта жанрового анализа подчеркивалась многими учеными⁴. По убеждению М. Бахтина, «каждый жанр способен овладеть лишь определенными сторонами действительности, ему принадлежат определенные принципы, определенные формы видения и понимания этой действительности, определенные степени широты охвата и глубины проявления» [26, с. 146]. Картина мира является жанрообразующим фактором для Н. Лейдермана: «собственно общей содержательной основой самых разных по идейной направленности произведений одного жанра является то, что они рассматривают действительность в свете одной и той же «формулы мира», акцентируют внимание на одних и тех же принципиальных отношениях между человеком и жизнью» [27, с. 26]⁵. В том же ключе рассматривает жанр Е. Дмитриев: «<...> каждый [жанр] выделяет из всего разнообразия жизни определенные момен-

ты, в каждом жанре по-своему создается картина мира, сплавленная с переживаниями автора» [2, с. 34]. С. Скварчиньска использовала термин «поэтический мир», утверждая, что его анализ является одной из задач теории литературы: «без введения понятия поэтического мира трудно будет говорить о явлениях, связанных с реализацией конкретного произведения; понятие это будет в особенности основное для теории жанров, для исследования литературного жанра, которого содержательную структуру определить можно только понятием поэтического мира (поэтический мир баллады указывает на возможности реализации каждой конкретной баллады в области так называемого содержания)» [29, с. 111].

При анализе картины мира, моделируемой жанрами оды и инвективы, для нас в данном случае наиболее существенными будут не пространственная и временная характеристики, но ценностная семантика жанра.

Ода создает мир, в котором на наших глазах обезвреживается и изгоняется враг, после чего наступает блаженная «тишина» и процветание. Характерно, что этот побежденный враг милуется («Великой Анны грозный взор / Отраду дать просящим скор», «Правдивой Аннин гнев велит, / Что падших перед ней щадит»), после чего люди живут в мире и беспечалии («пастух стада гоняет в луг», «безбедно едет в путь купец» и т.д.), прославляя властвующую идеальную монархию. Картина мира, создаваемая одой, утверждает «в материальной реальности нечто безусловно желательное, но физического облика пока не имеющее: представление о должном, идеал» [25, с. 83] и строится как образ идеального государства, где царит «тишина» и «ликует» народ. Это и есть тот объект, который восхваляется торжественной одой.

Мир инвективы – мир полярный, строящийся на последовательной антитезе. Адресат инвективы «Война за веру» определяется как «враг», вокруг которого группируется семантическое поле с негативной коннотацией: «мятежники», «грабеж», «сыны бесчестия», «орудие крамол, тревог и возмущенья», «война несправедливая», «бесславие», «жестокое тиранство», «позор», «холодное

⁴ При этом использовались различные термины: «модель мира» (Ю. Лотман, Ю. Левин), «образ мира» или «формула мира» (Н. Лейдерман), «поэтический мир» (S. Skwarczycska), «художественная картина мира» (В. Савельева) и др.

⁵ Ср. также: «Жанр – внутренне сбалансированная, относительно завершенная система, организующая все компоненты произведения в целостный образ мира – «сокращенную Вселенную», воплощающую эстетическую концепцию действительности; тип построения мирообраза» [28, с. 69].

коварство», «фанатизм», «надменный», «презренный» и др. Одновременно с этим выстраивается полярное семантическое поле вокруг ядра «Русь». К нему присоединяются последовательно лексемы: «миролюбивая», «державная», «святая», «родная», «своя страна», «отчизна», «свобода», «христиане», «поклонники креста», «храм истинного бога», «священные места», «от бедных матерей отъятые сыны», «несчастные селенья», «молитва», «святая мать-дева» и т.д. За счет этого образуются два полярных семантических поля, одно из которых содержит коннотации со злом, другое – с добром и святостью. Эти два поля находятся в состоянии вражды и противостояния, которое воспринимается как борьба добра со злом: зло персонифицируется за счет местоимения ты/вы и за счет него же максимально обобщается⁶, поэтому Русь выступает как против зла конкретно воплощенного, так и против зла вообще. Не оставляет сомнений будущая окончательная победа Руси, т.е. «добра»: объект инвективы заслужит «современников живые укоризны» и «потомков суровый приговор», тогда как Руси («придет пора, ее недолго ждать») «будет свет <...> рукоплескать» и «позавидуют <...> потомки». Эта уверенность подкрепляется примерами из недавней истории:

«Мы вновь напомним вам героев Рымника, / И ужас чесменский, и славный бой Кагула» – и пророчествами: «страшен будет спор» и т.п.

Таким образом, мир инвективы состоит из находящихся в состоянии активной борьбы сил добра и зла. Зло является стороной не только разрушающей, но в момент высказывания – более активной и могущественной. Инвектива выходит за рамки этой дисгармонии за счет угрозы, которая предполагает конечную победу «добра» над «злом», наказание и уничтожение зла и восстановление гармонии в будущем.

Сопоставление двух образцов жанра подтверждает высказанное предположение о наличии ряда общих, существенных с точки зрения жанровой принадлежности признаков в похвальной оде и высокой инвективе. Общность эта оказывается связанной прежде всего с риторическими корнями обоих жанров и проявляется не только в «орнаментальных» (Аверинцев) риторических фигурах, но и в целевой установке жанров, рассчитанной на оказание воздействия на адресата. При этом принципиально различными оказываются характер этого воздействия и образ мира, моделируемые каждым из жанров.

23.08.2010

⁶ Двойственная природа местоимения проявляется в его предельной конкретности при наличии опоры на конкретное лицо, т.е. при чередовании его в тексте со словами полнозначной лексики, и одновременно в предельной обобщенности, безымянности при отсутствии этой опоры (см. об этом: [30], [31, с. 37–38]).

Список использованной литературы:

1. Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
2. Дмитриев Е.В. Фактор адресации в русской поэзии: от классицизма до футуризма. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003. – 287 с.
3. Матяш С.А. Жанр инвективы в поэзии Ф.И. Тютчева // Вестник Оренбургского государственного университета, 2007. – №11. – С. 36-43.
4. Матяш С.А. Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса // Феномен русской классики. – Томск: ТГУ, 2004. – С. 17-32.
5. Островских И.Н. Лирика Аполлона Григорьева: жанровая динамика, художественные принципы, циклы. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. – 20 с.
6. Ломоносов М.В. Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 559 с.
7. Никитин И.С. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. и примеч. Л.А. Плоткина. – М.-Л.: Сов. писатель, 1965. – 615 с.
8. Гуковский Г.А. Г.Р. Державин // Державин Г.Р. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г.А. Гуковского. – Л.: Сов. писатель, 1947. – С. V-LVI.
9. Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 227-252.
10. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб.: Наука, 2005. – 369 с.
11. Гончарова О.М. Богородичные черты русской женственности в одах М.В. Ломоносова. Культура и текст – 2005: сб. науч. трудов междунар. конф.: в 3 т. / под ред. Г.П. Козубовской. Т. 2. – СПб.; Самара; Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2005. – 272 с. Электронный ресурс: xviii.org/?p=18
12. Страшнов С.А. Анализ поэтического произведения в жанровом аспекте. – Иваново, 1983. – 92 с.
13. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. – Тарту, 1997. – 156 с.
14. Кожевникова Н.А. «Оды торжественные» А.П. Сумарокова: язык и стиль // Александр Петрович Сумароков (1717-1777): Жизнь и творчество: Сб. ст. и материалов / Рос. гос. б-ка; Сост. Е.П. Мстиславская. – М.: Пашков дом, 2002. – С. 98-132.
15. Иванов Вяч.Вс. Из наблюдений над одой XVIII века // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 174-187.
16. Краковяк А.С. Литературный жанр с точки зрения целевой установки (на примере лирического жанра инвективы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №18 (44). Аспирантские тетради: Науч. журнал. – СПб., 2007, С. 140-144.
17. Краковяк А.С. Взаимовлияние и переходные формы жанров молитвы и инвективы в русской и польской поэзии XIX–XX вв. // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: материалы II междунар. науч.-практич. конф. – Челябинск, 2009. – С. 124-129.
18. Краковяк А.С. Архетипы сознания и литературный жанр: в поисках источников жанра инвективы // Вестник Оренбургского ун-та, 2006, №11. – С. 93-101.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

20. Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – М.: Наука, 1991. – С. 3-26.
21. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 333 с.
22. Аристотель. Поэтика. Риторика / Пер. с др.-греч. В. Апшльброта, Н. Платоновой. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.
23. Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. Изд. 3-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 379 с.
24. Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1. – М., 1997. – С. 556-586.
25. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII в. – М.: Academia, 2000. – 415 с.
26. Бахтин М.М. (Медведев П.Н.) Формальный метод в литературоведении. – М.: Лабиринт, 1993. – 207 с.
27. Лейдерман Н.Л. Теоретическая модель жанра // Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н., Барковская Н.В. и др. Практикум по жанровому анализу литературного произведения. – Екатеринбург, 1998. – С. 16-26.
28. Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы (вводный курс): Учебно-методическое пособие для студентов факультета русского языка и литературы. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2002. – 73 с.
29. Skwarczyńska S. Geneza i rozwój rodzajów literackich // Z teorii literatury. Cztery rozprawy. – Łódź «Poligrafika», 1948. – S. 47-107
30. Сильман Т.И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания, 1970, №4. – С. 82-88.
31. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 126 с.

Сведения об авторе: Краковяк Александра Сергеевна, преподаватель русского языка
Православной приходской школы, г.Краков, Польша

Polska, ul. Sliczna 12 A / 100, 31-444 Krakow, тел.: +48 601 460 456, e-mail: sashakrakiowski@gmail.com

Krakovyak A.S.

Laudable ode and high invective: rhetorical methods and art work of the world

Two genres having common rhetorical roots – laudable ode and high invective are compared in this article. In the center of this work is the comparative analysis of «Ode... for Khotin's capture» by M. Lomonosov and invectives of «War for faith» by I. Nikitin in the aspects of some genre-constitutive characteristics: principal aim of genre, rhetorical methods, art work of the world. The author shows similarity and fundamental distinctions of two genres.

Key words: genre, ode, invective, rhetorical methods, principal aim, art work of the world.

Bibliography:

1. Pumpyansky L.V. Classical Tradition: Collected Works on the history of Russian literature. – Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. – 864 p.
2. Dmitriev E.V. Addressing factor in the Russian Poetry: From Classicism to Futurism. M.: Izd MNEPU, 2003. – 287 p.
3. Matyash S.A. Genre of invective in poetry of F.I.Tyutchev // Bulletin of the Orenburg State University, 2007. – №11. – P. 36-43
4. Matyash S.A. Genre of invective in Russian poetry: questions of status, typology, and the genesis // The Phenomenon of Russian classics. – Tomsk: TSU, 2004. – P.17-32.
5. Ostrovskih I.N. Lyrics of Apollon Grigoriev: genre dynamics, artistic principles, cycles. Avtoref.dis.... Kand.filol.nauk. – Barnaul, 2002. – 20p.
6. Lomonosov M.V. Selected works. – L.: Sov.pisatel, 1986. – 559 p.
7. Nikitin I.S. Complete Poems / Preface N.I. Rylenkov. – Leningrad: Sov.pisatel, 1965. – 615 pp.
8. Gukovskii G.A. G.R.Derzhavin // Derzhavin G.R. Poems / Preface and introduction G.A. Gukovskij. – L.: Sov. pisatel, 1947. – P. V-LVI
9. Tynyanov J.N. Oda as oratorical genre // Tynyanov J.N. Poetics. The history of literature. Movies. – M., 1977. – P. 227-252
10. Alekseeva N.Y. Russian ode: Development of form in XVII – XVIII centuries / Institute of Russian Literature (Pushkinski Dom). – SPb.: Nauka, 2005. – 369 pp.
11. Goncharova O.M. Traits of Mother of God and Russian womanhood in the odes of M.V.Lomonosov. Culture and text – 2005: A collection of scientific papers of international conferences: in 3 vols, red. G.P. Kozubovska. T. 2. – SPb., Samara, Barnaul: Izd Barn. state. ped. University Press, 2005. – 272 pp. Electronic resource: xviii.org /? P = 18
12. Strashnov S. Analysis of poetic works in the genre aspect: Textbook. – Ivanovo, 1983. – 92 pp.
13. Pogosyan E. Delight of Russian ode and solving themes of the poet in Russian panegyric 1730-1762 years. – Tartu, 1997. – 156 c.
14. Kozhevnikova N.A. «Solemn odes» of A.P.Sumarokov: Language and style // Alexander P. Sumarokov (1717-1777): Life and Work: Sat. Art. and materials / Ross. state. Bk, Ed. EP Mstislavsky. – M.: Pashkov Dom, 2002. – P. 98-132.
15. Ivanov Vyach.Vs. Some observations of an ode to the XVIII century // Linguistics and Poetics. Sat scientific. Red. E. L. Ginzburg and others – M.: Nauka, 1979. – P. 174-187
16. Krakovyak A.S. The literary genre from the perspective of the intentional target (based on a lyric genre of invective) // Proceedings of RSPU named by Alexander Herzen. №18 (44). Postgraduate notebook: Science journal. – SPb., 2007, pp. 140-144
17. Krakovyak A.S. Interference and transitive forms of genres of a prayer and an invective in Russian and Polish poetry XIX-XX centuries // Literary text XX century: the problem of poetics: Proceedings of International Scientific and Practical Conference. Cheliabinsk, 2009. – P. 124-129.
18. Krakovyak A.S. The archetypes of mind and a literary genre: in search of a genesis of genre invective // Bulletin of Orenburg Univ, 2006, №11. – P. 93-101
19. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – M.: Art, 1986. – 445 pp.
20. Averintsev S.S. Ancient Rhetoric and the fate of the ancient rationalism / Antique poetics. Rhetorical Theory and Literary Practice. – M.: Nauka, 1991. – P.3-26.
21. Tomaszewski B.V. Theory of Literature. Poetics. – M.: Aspekt-Press, 1996. – 333 pp.
22. Aristoteles. Poetics. Rhetoric. / Transl. from old-Greek by B. Appelrot, N. Platonova. – SPb.: Publishing House «ABC-classics», 2007. – 352 pp.
23. Hazagerov G.G., Lobanov I.B. Rhetoric. 3rd edition. – Rostov n / D: Phoenix, 2008. – 379 pp.
24. Gasparov M.L. Ancient rhetoric as a system // Gaspar M.L. Selected works. V.1. – M., 1997. – P.556-586
25. Lebedeva O.B. The history of Russian literature of XVIII century.: Textbook. – M.: Academia, 2000. – 415 pp.
26. Bakhtin MM (Medvedev PN) A formal method in literary criticism. – Moscow: Labyrinth, 1993. – 207 pp.
27. Leiderman N.L. Theoretical model of the genre // Leiderman N.L., Lipovetsky M.N., Barkovskaya N.V. etc. Workshop on genre analysis of a literary work. – Ekaterinburg, 1998. – P.16-26
28. Leiderman N.L., Barkovskaya N.V. Theory of Literature (Introductory Course): Educational handbook for students of Russian language and literature. – Ekaterinburg: Publishing AМB, 2002. – 73 pp.
29. Skwarczynska S. Genesis and development of literary genres // From the theory of literature. Four of the hearing. – Lodz: «Poligrafika», 1948. – P.47-107
30. Silman T.I. Syntaxistical-stylistic features of pronouns. // Problems of Linguistics, 1970, №4. – P. 82-88
31. Тураева З.Я. Text Linguistics. – M.: Education, 1986. – 126 pp.